

Культура европейского Средневековья

УДК 930.2:003.071

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-1-12-51

Между прошлым и будущим: репрезентация исторической памяти в рунических надписях V–XI вв.

Елена А. Мельникова

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
melnikova_2002@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается отражение коллективной исторической памяти в рунической письменности. В V–VII вв. рунические надписи на каменных стелах начинают упоминать общественно-значимые события (смерть вождя, публичное жертвоприношение), тем самым закрепляя коллективную историческую память о них. Тексты, однако, содержат лишь «ключи», актуализирующие память, прежде всего личное имя. Возникшая меморативная функция меняет отношение к руническим памятникам: они воспринимаются как общественная ценность, которая охраняется проклятиями тому, кто причинит вред памятнику. Вырабатывается мемориальная формула, которая открывается «ключом» к исторической памяти: именем меморизируемого. Кардинальные изменения в развитии скандинавских обществ в IX–XI вв. затронули и руническую письменность. Преобразуется мемориальная формула: она открывается именем заказчика памятника, далее следует констатация установки памятника, имя умершего и указание на степень его родства с заказчиком. Перенос акцента на заказчиков памятника свидетельствует о важности сохранения информации об их родственной связи с умершим, вероятно, для подтверждения прав заказчиков – наследников умершего – на его наследство. Прославление умершего и «обнародование» его родственных связей, однако, не являлись общественно-значимыми событиями. Память о судьбах конкретных людей поддерживалась прежде всего в их семье и роде. Меморативная функция рунических памятников X–XI вв. сужается, в них фиксировалась не коллективная, а родовая память. В дальнейшем руническое письмо окончательно утрачивает меморативную функцию, оно становится средством повседневной коммуникации между индивидами.

Ключевые слова: рунические надписи, историческая память, формы меморизации, мемориальная формула

Для цитирования: Мельникова Е.А. Между прошлым и будущим: репрезентация исторической памяти в рунических надписях V–XI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 1. С. 12–51. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-1-12-51

Between the past and the future:
the representation of historical memory
in runic inscriptions of the 5th to 11th centuries

Elena A. Melnikova

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, melnikova_2002@mail.ru*

Abstract. The article deals with the representation of the collective historical memory in runic writing. In the 5th – 7th centuries runic inscriptions on stone monuments start to mention public events, such as the death of a chieftain or public sacrifice, preserving thus the historical memory about it. The texts include only ‘keys’ that actualize the memory, a personal name first of all. The emergence of the memorative function changes attitudes to the monuments. They become public value that is protected by spells against anyone who harms the monument. A memorial formula opens with the ‘key’ to the historical memory – the name of the remembered person. In the 9th to 11th centuries the memorial formula is further transformed: it now opens with the names of those who ordered the monument, then follows the statement about its erection, the name of the deceased and his relationship in kinship with the customer(s). The transfer of the emphasis to the customers points to the importance of preserving information on their relationship, probably to confirm their inheritance rights. The glorification of the deceased and making the genealogical information public, however, do not remain events of public concern. The memorative function of runic monuments thus declines, they represent a family and not collective historical memory. Later runic writing loses its memorative function altogether; it becomes the means of communication between individuals.

Keywords: Runic inscriptions, historical memory, forms of memorization, memorial formula

For citation: Melnikova, E.A. (2024), “Between the past and the future: the representation of historical memory in runic inscriptions of the 5th to 11th centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 12–51, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-1-12-51

Вошедшие в I в. до н. э. в соприкосновение с Римской империей германцы письменности не знали и воспоминания о своем истори-

ческом прошлом сохраняли изустно. Как писал римский историк конца I в. н. э. Корнелий Тацит, «германцам известен только один... вид повествования о былом и только такие анналы» – древние песнопения (Тацит 1969, с. 354). Воспоминания о прошлом германских племен сохранялись исключительно в устной традиции и передавались из поколения в поколение, подвергаясь многочисленным переработкам¹. Лишь после включения южно- и западногерманских племен в галло-римский мир и усвоения ими христианства и христианской культуры историческая память этих народов начала запечатлеваться в письменных текстах, но сам тип текста, его целевая направленность и способы репрезентации материала были заданы римской традицией и требовали глубинной, подчас сущностной модификации («перекодировки») устной традиции. Поэтому включение «устной истории» в письменные тексты (начиная с VI в.), имевшие своей целью представить прошлое народа, к которому принадлежал писатель, – «варварские истории» [Goffart 1988], – было сопряжено со сложными процессами отбора, переосмысления, реорганизации и репрезентации в традиционных для христианской письменной культуры формах живой исторической памяти.

Познакомившись с римской цивилизацией, германские племена создали свое собственное оригинальное письмо – руническое, но восходящее, как полагает большинство исследователей, к латинскому корпусному письму [Williams 1997, pp. 177–192; Beck 2000, pp. 1–15]². Тацит писал о распространенном у германцев ритуале гадания с помощью вырезанных на деревянных дощечках знаках (Тацит 1969, с. 357). Вероятно, эти «знаки» были рунами. Появление рунического письма в тацитовское время подтверждается находкой фибулы из женского погребения в Мелдорфе (Северо-Западная Германия, первая четверть I в. н. э.) с надписью, которая может быть прочитана как германская руническая – **hiwi** (дат. п. от женского имени **Hiwa* «для Хиви»), но также и как латинская – **idin**, род. п. от германского женского имени *Ida* или мужского *Iddo*, т. е. «<брошь> Иды (Идда)» [Düwel, Gebühr 1981, pp. 159–175; Odenstedt 1989, p. 173], или – с большой натяжкой – **irili** (дат. п. от слова **erilaz**, т. е. «эрилу» – мастеру рун?) [Mees 1997, pp. 131–139; здесь же критический обзор различных теорий]. К тому же времени

¹ Vansina J. Oral tradition: a study in historical methodology. Harmondsworth: Penguin, 1973. 226 p.

² Существуют и другие теории происхождения германского письма: греческая (*Friesen O. v. Om runinskriftens härkomst // Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala Förhandlingar. Uppsala, 1904–1906*); североиталийская [Morris 1988] и др.

относится фрагмент керамики, найденный в округе Остеррёнфельд (Шлезвиг-Гольштейн), с двумя процарапанными рунами **z** и **a** [Marrold 1994, p. 16].

В конце II – начале III в. предметы с руническими надписями, как правило, состоявшими из одного слова, распространяются по всей территории обитания германцев: древнейшие и однотипные надписи (имя оружия?) нанесены на семь богато орнаментированных наконечников копий, разбросанных по всей Европе: они найдены в Ютландии, на о. Фюн, в Норвегии, на о. Готланд, в Германии, Польше и на Западной Украине [Мельникова 2001a, с. 92–95]. Чуть более поздним временем датируются амулеты из Линдхольма (Сконе, IV в.) и Крагехюля (Фюн, IV в.), надпись на кольце из Пьетроасса (Румыния, IV–V вв.), после чего количество надписей резко возрастает. К V в. рунический алфавит приобретает законченную форму: на камне из Кюльвера (Готланд, конец IV–V в.), брактеатах из Линдкёра и Оверхорнбэка (Северная Ютландия, первая половина VI в.), Вадстены и Мутала (Эстрёмланд, Швеция, первая половина VI в.), пряжке из Аквинкум (Венгрия, VI в.) и ряде других предметов того же времени нанесены рунические алфавиты, состоявшие из 24 знаков, разделенных на три группы (*ætt*), и сохранявшие за небольшими исключениями строгую последовательность рун. Таким образом, к V в. практически все германские племена³ владеют буквенным письмом, способным выполнять коммуникативную функцию, т. е. служить средством передачи (обмена) информации. Однако вплоть до VII в. четвертую часть надписей составляют личные имена, нанесенные на различные артефакты. Это названия оружия (например, **tilarids** «Стремящийся к цели, Атакующий» на наконечнике копья из Ковеля, II–III вв. [Мельникова 2001a, с. 88–95], личные имена (например, **swart / a** «Черный» на рукояти щита из болотного клада в Иллерупе, Ютландский п-ов, 150–350 гг.), а также «подписи» рунографов (например, **nipijo tawide** «Нидио сделал» на рукояти щита также из Иллерупа, [Looijenga 2003, pp. 153–154]

³ Судьба рунического письма в разных регионах германского мира была различной. После передвижения в Северную Италию и на Пиренейский п-ов остготские и вестготские племена утратили навыки рунического письма и быстро перешли к использованию латиницы. В Центральной и Западной Европе руническое письмо сохранялось до VI в. и также было вытеснено латинским. Вплоть до X в. локальный вариант рунического алфавита оставался в ходу в англо-саксонской Англии: так, автор героико-эпических поэм на христианские сюжеты («Елена», «Юлиана» и др.) Кюневульф включает в текст свое имя, используя для его написания руны.

или **ek hlewagastiz . holtijaz . horna . tawido** «Я, Хлевагаст, сын Хольта, сделал этот рог» на золотом роге из Галлехуса, Южная Ютландия, V в.) (DR 12; Antonsen 1975, N 23; Krause 1966, N 43). Имена предметов вооружения, нанесенные на сами артефакты, вероятнее всего служили магическим средством, повышавшим эффективность оружия [Düwel 1981, pp. 128–167]⁴. Менее ясна функция личных имен: возможно, это имена владельцев предмета или заказчиков надписи или самого предмета. Не исключено, однако, что нанесение личного имени, равно как и «подписи» рунографа, имело престижные цели: использование специфически «римского» феномена – письменности – не могло не служить показателем особого статуса знатока рунического письма. Неслучайно в числе древнейших – надписи изготовителей предмета или рунографа, повторяющие латинскую формулу “X fecit” [Imer 2011, pp. 11–27]. Вероятно, и часть отдельных личных имен является именами тех, кто нанес надпись. Среди «подписей» рунографов выделяется группа из не менее девяти текстов, начинающихся словами **ek erilaz** «Я, эрил...» и нередко содержащих указание на «изготовление», «написание» рун. Слово **erilaz** (родственно др.-исл. *jarl* «ярл» и др.-англ. *eorl* «эрл») – социальный термин, обозначающий лиц высокого социального статуса. Одновременно слово **erilaz** сопоставимо с наименованием восточногерманского племени герулов (*heruli, eruli*), которое населяло о. Зеландия и Ютландский п-ов до III в. н. э. Около 250 г. герулы были вытеснены на юг племенами данов; одна их часть ушла в низовья Рейна, другая – в Северное Причерноморье. И те и другие активно участвовали в набегах на римские владения и служили в римских вспомогательных войсках⁵ [Буданова 2000, с. 199]. Древнейшие тексты этого типа (IV в.) начинаются устойчивой формулой: **ek erilaz** + имя собственное в притяжательной форме: «Я, эрил такого-то», за чем следует магическое заклинание (Antonsen 1975, N 15, 17, 39, 52). В более поздних – «Я, эрил, сделал (написал, раскрасил) руны» (Antonsen 1975, N 48, 110, 112). После середины VI в. эти формулы, равно как и само слово **erilaz**, выходят из употребления. Считается, что **erilaz**, изначально название племени, рано (или одним из первых в германском мире) овладевшего

⁴ Ср. в более позднее время наделение именами (чаще всего) мечей: Шербец – коронационный меч польских королей, Кверн-битер (Quern-biter) – меч норвежского короля Хакона I, Эскалибур – меч короля Артура, Грам – меч Сигурда Убийцы Фавнира и мн. др.

⁵ Lippold A. Heruli // Der kleine Pauly: Lexikon der Antike. Stuttgart: Druckenmüller, 1967. Bd. 2. Col. 1112–1113.

руническим письмом (или участвовавшего в его создании, или создавшего его), стало обозначением жрецов или группы людей, эксклюзивно владевших знанием письма и потому занимавших в обществе высокое социальное положение [Ellegård 1987, pp. 5–34; Taylor 1990, pp. 108–125; Düwel 2001, pp. 12; Mees 2003, pp. 41–68]. Сам факт начертания (вырезания) своего имени на предмете имел, очевидно, важное символическое значение: он знаменовал престижный статус человека в обществе, его причастность «высшей» (римской) культуре. Тем самым надпись выполняла не столько коммуникативную, сколько репрезентативную функцию [Мельникова 2016, с. 178–185].

Другую четверть старшерунического корпуса⁶ составляют магические формулы и заклинания. Как правило, они содержали благопожелательные или охранительные формулы, состоящие из одного-двух слов (**alu**, **laukaz**⁷, **auja gebu** «даю удачу» и др.), реже – распространенные фразы [Топорова 1996]. К ним примыкают записи алфавита или его части, которые также рассматриваются как сакральные [Düwel 1996, pp. 273–276]. Руническое письмо было теснейшим образом связано со сферой сакрального и магического на нескольких уровнях.

Во-первых, магическо-символическим содержанием наделен сам знак [Düwel 1992, pp. 87–100; Düwel 1997, pp. 23–42]. В «рунических поэмах» (X–XIII вв.) приводятся и объясняются наименования рун [Bauer 2003]. Начальный звук названия руны почти во всех случаях совпадает с ее фонетическим значением: **s** – *sól* «солнце», **i** – *íss* «лед», **a** – *ansuz/áss* «бог из рода асов» и т. д. [Nedoma 2003, pp. 556–562]. На то, что руны изначально наделялись символическим содержанием, указывает возможность замены в надписях VI–XI вв. слова руной, названием которой является это слово, т. е. руна становилась идеограммой (так называемые *Begriffsrunen*)⁸. Именно маги́ко-символическое значение знаков лежало в основе упоминаемого Тацитом ритуала гадания.

Во-вторых, включенная в текст (слово, словосочетание, предложение) руна утрачивает свое символическое содержание: на первый план выступает ее фонетическое значение, магическое же содержание переходит на уровень текста [Flowers 1986; Düwel 1997, pp. 23–42]. С одной стороны, эзотеричность письма (а она

⁶ Еще примерно четверть надписей не читается, остальная часть охватывает тексты различного содержания [Odenstedt 1990, p. 173].

⁷ **alu** обычно рассматривается как дериват от глагола **alan* «расти», **laukaz** интерпретируется как «лук» (растение) [Elmevik 1999, pp. 21–28].

⁸ См. ниже надпись из Stentofte.

подразумевается уже самим названием знака – *rúna* «шепот, тайна», а также «подписями рунографов») неразрывно связана с наделением его некими магическими свойствами. С другой стороны, весьма вероятно, что умение «писать», «рисовать», «делать» руны принадлежало, по крайней мере до VII в., исключительно жрецам (*erilaz*?) и составляло часть сакрального знания. Можно полагать, что само нанесение рун, тем более – начертание читаемого слова, будь то имя или заклинание, являлось магическим действием.

Как видим, на протяжении первых нескольких веков после возникновения руническое письмо имело очень ограниченное применение и выполняло (почти) исключительно репрезентативные и магические функции, являясь частью сакрального, эзотерического знания. Несмотря на наличие письменности, сохранение исторической памяти осуществлялось по-прежнему устным путем, ее восприятие и отношение к ней, очевидно, не изменились по сравнению с дописьменным периодом, и потребности в ее письменной фиксации еще не возникло.

* * *

Одним из древнейших памятников, который можно расценить как попытку фиксации исторического события, является двухметровая стела из Möjbro (Упланд, Швеция, V в.)⁹ (U 877; Krause 1966, N 99; RuneS: <http://www.runesdb.de/find/95>). Изображение всадника с поднятыми щитом и копьем и двумя собаками (?) у ног коня¹⁰ сопровождается надписью в две строки: **frawaradaz / anahahaislaginaz** «Фраварад сражен на коне»¹¹. Это одна из первых дошедших до нас мемориальных стел, которые получают в Скандинавии (прежде всего в Швеции) чрезвычайное распространение в X–XI вв. Считается, что она установлена с целью увековечить память о Фравараде, вероятно, местном военном вожде – о его крайне высоком социальном статусе говорит и сам факт воздвижения памятника, и изображение на памятнике конного воина в полном вооружении, видимо, самого Фраварада, и, наконец, его имя – от герм. **frawa* «господин, повелитель» и **rādaz* «совет», т. е. «советник повелителей» (богов?). Фраза «сражен на коне» дает основания полагать, что этот человек погиб в битве.

⁹ Уточненная датировка памятника – 375/400–560/570 (SRD U877).

¹⁰ Рисунок близок позднеримским изображениям всадников (если не копирует их), в том числе на саркофагах (*Jansson S.B.F. Möjbrostenens ristning // Fornvännen. 1952. Årg. 47. S. 124–127*).

¹¹ Я привожу чтение В. Краузе. Существует и ряд других прочтений второй строки [Elmevik 1978, pp. 65–92].

Памятник, таким образом, вычленяет из общего потока событий и запечатлевает эпизод истории племени или рода, возглавлявшегося Фраварадом, и содержит важную информацию о функционировании в германском обществе V в. исторической памяти. Во-первых, фиксации подверглась память о человеке чрезвычайно высокого (высшего?) социального статуса: его гибель, очевидно, была воспринята как социально значимое событие, принципиально важное для жизни всего коллектива¹². Во-вторых, существенной особенностью является многообразие форм фиксации памяти о Фравараде: воздвижение специально обработанного камня (артефакт); нанесение на памятник изображения-«портрета» (визуализация); наконец, письменный текст (вербализация). Если первое и третье станут характерными для увековечения памяти о людях и событиях в X–XI вв., то изобразительная форма меморизации позднее практически не встречается: богатая орнаментика рунических камней будет полностью отвлечена от содержания надписи. Соединение изображения и письменного текста, как представляется, отражает не только, а может быть, и не столько стремление создателей памятника придать ему особую «парадность», сколько их желание максимально надежно закрепить память о событии и – одновременно – их не совсем твердую уверенность, что таким способом меморизации является письменный текст.

Наконец, показательно, какую информацию запечатлевают составители надписи: это имя вождя, факт его гибели и обстоятельства его гибели – «сражен на коне», т. е. в бою. Индивидуализирующим событие моментом является имя вождя, оно становится концентрированным носителем исторической памяти о событии. Имя Фраварада должно было вызывать цепь ассоциаций и актуализировать соответствующий эпизод прошлого – например, жестокое сражение с вероломно напавшим враждебным племенем, мужество горсточки воинов Фраварада, безуспешно отбивавших натиск врага, героическую смерть вождя и его дружины. Апелляция к исторической памяти через имя героя была тем более закономерна, если рассказы участников или свидетелей события выкристаллизовались в историческое предание или трансформировались в героическую песнь, т. е. само событие и его подробности отложились в исторической памяти. В такой ситуации имя героя становится своего рода ядром, вокруг которого формируется и поддерживается

¹² Можно вспомнить ламентацию Виглафа у тела сраженного драконом Беовульва в англо-саксонской поэме «Беовульф»: смерть вождя геатов должна была побудить соседей к нападениям, которые геаты теперь не смогут отразить, и племя погибнет (Беовульф, с. 165–168).

историческая память о событии, а также ключом, актуализирующим ее.

Практика воздвижения мемориальных камней получила распространение (известно более 40 камней со старшеруническими надписями), но их содержание и формулировки разнообразны, хотя мемориальная эпиграфика – например, античная – обычно формульна [Mees 2016, p. 12]. Это разнообразие способов выражения демонстрирует ряд старшерунических памятников IV–V вв. мемориального характера из южной Норвегии:

...flagda faikinaz ist / ...magoz minas staina / ...daz faihido... «...есть вероломное нападение... / [установил, воздвиг] камень моего сына / ...[имя, оканчивающееся на -ð] нарисовал (раскрасил) [руны, камень, памятник]»¹³ (Vetteland, Рогаланд, Норвегия, вторая половина IV в.) [NIæR 39; Krause 1966, N 18].

ek wiwaz after . woduri/de witada halaiban . worahto / [me]z woduride . staina . / þrijoz dohriz dalidun / arbjarjostez arbijano «Я, Вивар (= «стремительный»), по Водуриду (= «яростный всадник»), хранителю хлеба (т. е. господину), сделал [надпись]. Мне, Водуриду, камень приготовили три дочери, самые законные из наследниц» (Tune, Остфольд, Норвегия, вторая половина IV–V в.) [NIæR 1; Krause 1966, N 72].

hadulaikaz / ek hagustadaz / hlaaiwido magu minino «Хадулайк (= «танцующий в битве»). / Я, Хагустад (= «молодой воин»), / похоронил моего сына» (Kjølevik, Рогаланд, Норвегия, вторая половина V в.) [NIæR 19; Krause 1966, N 75].

...iz hlaiwidaz þar «...[мужское личное имя] погребен здесь» (Amla, Согн, Норвегия, вторая половина V в.) [NIæR 46; Krause 1966, N 84].

При всей обрывочности и подчас неясности эти тексты обнаруживают несколько общих черт. Во-первых, все они – неорнаментированные каменные стелы. Во-вторых, они увековечивают память о некоем человеке, но не о событии, которое с очевидностью стоит за сообщением, и лишь в одном случае (Vetteland) в сохранившейся части текста упоминается некое «вероломное нападение», в результате которого, видимо, погиб сын рунографа или заказчика памятника. Имя человека, в память о котором воздвигается стела, обязательно включено в текст. Место имени

¹³ Здесь и далее в круглых скобках даны пояснения к тексту или альтернативные интерпретации, в угловых – отсутствующие, но уверенно восстанавливаемые части текста.

поминаемого в тексте не фиксировано. Однако в надписи из Къёлевика имя Хадулайк – вероятно, того самого человека, память о котором должен увековечить камень, – вынесено в самое начало надписи, что, очевидно, знаменует попытку выделить имя, поместив его в максимально маркированную позицию.

В-третьих, что чрезвычайно важно, текст подается, как правило, от имени мастера-рунографа, который одновременно является ближайшим родичем (отцом) или зависимым от меморизируемого лица человеком. Лишь в надписи из Туне рунограф и заказчик камня различны, причем заказчики (дочери Водурида) названы в отдельной фразе, вводимой от лица самого меморизируемого, судя по предшествующему тексту, уже умершего. В других случаях текст открывается формулой: «Я, имярек, сделал (нарисовал, похоронил и т. д.)», которая типична для «подписей рунографов» того же и более позднего времени. Таким образом, структура собственно мемориальной надписи еще не сформировалась. В ней использована наиболее распространенная модель «подписей рунографов», несмотря на то что она уже не соответствовала основной задаче текста – зафиксировать память о погибшем, а не о рунографе.

Поскольку надписи открываются именно формулой рунографа, т. е. она помещается в позицию максимальной семантической нагрузки, приоритетность информации о гибели человека могла бы быть поставлена под сомнение. Однако трудоемкость обработки и установки камня (как правило, гранита), а также нанесения на него надписи, равно как и включение в текст «мемориальной» информации, сколь бы она ни была скудна, исключают рассмотрение этих памятников как «автографов мастеров» – все подобные «автографы» выполнены на различных предметах и помимо «подписи» могут включать лишь магические заклинания.

Мало вероятно и нередко высказываемое предположение о магической цели нанесения подобных надписей, что убедительно показал Б. Миз на примере надписи из Хогганвика (Hogganvik), Западный Агдер, Норвегия, 350–500 гг. [Mees 2016, pp. 7–28].

Все памятники установлены в честь погибших, причем погибших, видимо, в сражениях. Исключение составляет стела из Туны, в которой смерть Водурида не упоминается, однако сама установка памятника по кому-либо (в память о ком-то) вероятна лишь тогда, когда этого человека уже нет в живых¹⁴.

¹⁴ Впрочем, см. ниже о блекингской группе памятников. Редчайшее исключение составляет несколько мемориальных стел XI в., установленных людьми в память «о самих себе». См. о них: [Мельникова 2001a, с. 17, 332–334].

Таким образом, как и памятник из Мёйбру, эта группа стел фиксирует память, вероятно, о военных вождях, чьи имена составляют неотъемлемую часть текста. В то же время в этих мемориальных текстах важную роль играет рунограф, связанный с лицом, в честь которого установлен камень, родственными или квазиродственными отношениями и использующий «формулу мастера».

Как видим, в IV–V вв. традиция мемориальных текстов, фиксирующих исторические события и отражающих историческую память, еще только зарождается. Среди всего многообразия событий письменной меморизации подвергается, фактически, лишь одно – смерть вождя, имя которого сохраняется в первую очередь. Свободный по своей внутренней структуре текст проявляет тенденцию к формульности, но стереотип мемориальной надписи, установившийся к X в., еще не сложился, и текст основывается на «формуле рунографа».

* * *

В VII–VIII вв. (так называемый переходный период в истории рунического письма) характер, с одной стороны, самого письма (в результате радикальных преобразований в фонетической системе германских языков начинается переход к младшеруническому – 16-значному алфавиту), с другой – типов и содержания рунических памятников существенно изменяется [Мельникова 2001а, с. 13–15]. Значительно возрастает и их количество. Хотя число «магических» текстов остается велико (это, по преимуществу, амулеты), все большее распространение получают мемориальные памятники с текстами, целью которых является закрепление в материальной и письменной формах исторической информации. Одновременно прослеживается и изменение отношения к фиксированной на письме исторической памяти.

Тексты переходного периода более пространны, нежели надписи предшествующего времени, однако и они не описывают событие, а лишь апеллируют к фоновым знаниям аудитории. Наиболее информативен комплекс из четырех памятников из Блекинге, области в юго-западной Швеции, которая в Средние века являлась частью датского региона. Он датируется VI – серединой VII в. и объединен именами Хадувульва и Харивульва¹⁵. Все памятники являются каменными стелами и расположены неподалеку друг от друга в хераде Lister. Приведу эти тексты:

¹⁵ *Friesen O. von. Lister- och Listerby-stenarna i Blekinge. Uppsala, 1916. 67 p. (Uppsala universitets årsskrift; 2)*

1. **hApuwolAfA / sAte / stAbA pria / fff** «Хадувульв (= волк битвы) установил три столба. **fff** (Gummarp, Блекинге) [DR 358; Krause 1966, N 95].
2. *Сторона А:* **niu hAborumz / niu hagestumz / hApuwolAfz gAf j / hAriwolAfz (m)A??usnuh?e / hidez runo no felAhekA hederA gino ronoz / herAmAlAs Az ArAgeu welAduds [s]A pAt bAriutip** «Девятью козлами, девятью жеребцами Хадувульв дал урожайный год, Харивульв (= «волк войска») ...Блистающих рун ряд я сокрыл здесь, колдовских рун. Беззащитность да будет нечестивому, коварная (в результате колдовства) смерть тому, кто разрушит [этот памятник] (Stentoften, Блекинге) [Santesson 1989, pp. 221–229]¹⁶.
Сторона В: **hAidz runo ronu / fAlAhAk hAiderA g/inA runAz ArAgeu hAerAmAlAusz / uti Az welAdAude / sAz pAt bArutz** (на стороне В): **uPArAbA sba** «Блистающих ряд рун я наношу здесь, колдовских рун. Беззащитность вдали да будет нечестивому, коварная (в результате колдовства) смерть тому, кто разрушит это (этот памятник). Губительное предсказание» (Björketorp, Блекинге) [DR 360; Krause 1966, N 97].
3. **Afatz hAriwulafa / hApuwulafz hAeruwulafiz / warAit runAz pAiAz** «По Харивульву (в память о Харивульве) Хадувульв, [сын] Хьёрвульва (= «волка меча»), написал эти руны» (Istaby, Блекинге) [DR 359; Krause 1966, N 98].

Памятники объединены именем Хадувульва. Надпись на камне из Гуммарпа декларирует установку им «трех столбов». Основное значение др.-исл. *stafr* – «деревянный столб», как правило, памятный, вплоть до конца XI в. часто воздвигаемый на курганах¹⁷. Поэтому возможно, что Хадувульв создал мемориальный комплекс из

¹⁶ Это чтение первых двух строк надписи принято практически всеми современными рунологами, поскольку оно устраняет имевшиеся в предшествующих интерпретациях сложности рунологическо-палеографического характера. Чтение Л. Якобсен, В. Краузе: «Новым поселенцам, новым гостям (т. е. новоприбывшим)...» [DR 357; Krause 1966, N 96]; Э. Антонсена: «Не Уха сыновьям (т. е. местным жителям), не Уха гостям (т. е. чужакам)...» [Antonsen 1975, N 119].

¹⁷ Воздвижение такого столба описывал арабский путешественник Ибн Фадлан, наблюдавший похороны купца-руса в Булгаре на Волге (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Гос. университета им. А.М. Горького, 1956. С. 83); остатки деревянных столбов обнаруживают археологи при раскопках курганов эпохи викингов как в Скандинавии, так и на Руси (например, дубовый столб стоял на вершине черниговского кургана Черная могила).

трех памятных знаков (деревянных столбов или высоких и узких камней). Вместе с тем слово *stafr* обозначало также вертикальный ствол рунического знака, а подчас и сам рунический знак – др.-исл. *rúna-stafr* [Orel 2003, p. 310. Поскольку надпись завершается тремя стоящими рядом рунами **f** (др.-исл. *fē*), не исключено, что в виду имелись именно эти три руны. Их нанесение здесь, как и в ряде других текстов, могло выполнять магическую функцию: в соответствии с названием руны – *fē* «имущество, скот, богатство», быть пожеланием богатства и изобилия. Тем самым «воздвижение» Хадувульвом трех рун **f** должно было обеспечить благополучие социума, к которому он принадлежал, что перекликается с упоминанием об «урожайных годах» (др.-исл. *ár*), которые «дал Хадувульв» в надписи на камне из Стентофтена.

Рис. 1. Памятник из Стентофтена

Этот памятник увековечивает память о деяниях Хадувульва и, возможно, Харивульва (4-я строка повреждена, и чтение рун после имени **hAriwolAfz** неясно). Оба названных в надписи человека, бесспорно, принадлежали к высшей элите племени. Главное деяние Хадувульва – обеспечение «урожайных лет», причем понятие «урожайный, изобильный год» передано не словом, а идеограммой – старшерунической руной *jára* **ᚢ**, что должно было особо выделить это понятие. И это естественно: обеспечение урожайных лет рассматривалось скандинавами как главная обязанность конунга,

связанная с сакральностью его власти (личности?)¹⁸, поэтому есть все основания полагать, что Хадувульв являлся вождем (конунгом) некоей племенной общности.

Если на камне из Гуммарпа урожайный год обеспечивался нанесением трех рун **f**, то на памятнике из Стентофтена увековечивается событие, имевшее ту же цель, но на этот раз с помощью публичного жертвоприношения. Практика ритуального принесения в жертву животных, прежде всего коней, хорошо документирована как письменными источниками (хотя и более позднего времени), так и археологическим материалом¹⁹. В скандинавской мифологической картине мира конь был хтоническим существом, связующим мир живых и мертвых, но также и миры людей и богов, являясь атрибутом Одина (восьминогий конь Слейпнир), и потому принесение его в жертву асам устанавливало непосредственную связь с миром богов²⁰. Принадлежали миру богов и козлы, везущие повозку Тора и служащие ему вечерней пищей, возрождаясь поутру [Младшая Эдда 1970, с. 40–41]. Наконец, сакральным было число девять: именно раз в девять лет, по сообщению Адама Бременского, совершались грандиозные жертвоприношения, связанные с культом плодородия: «Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолу Тора, если война, Водану... кроме того, имеют обычай каждые девять лет устраивать в Убsole торжество, собирающее жителей всех областей страны... Вот как происходит жертвоприношение. Из всей живности мужского пола приносятся девять голов: считается, что их кровь умилюстит богов. Тела же этих животных развешиваются в близлежащей роще. Эта роща священна для свеонов, потому что, согласно поверью, благодаря смерти и разложению жертв ее деревья становятся божественными. Один христианин рассказывал мне, что видел в этой роще висевшие вперемежку тела собак, лошадей и людей, общим

¹⁸ О древнескандинавском концепте «урожайный год» см.: [Hultgård 2003, pp. 282–308]. Как рассказывает Снорри Стурлусон, опираясь на поэму скальда Тьодольва из Хвинира (IX в.), голод, вызванный неспособностью конунга свеев Домальди обеспечить урожайные годы, заставил свеев принести Домальди в жертву богам [Снорри Стурлусон 1980, с. 18]. Обзор основных точек зрения о сакральности конунга в культуре древних германцев см.: [Sundqvist 1997, pp. 136–138].

¹⁹ Koppers W. Pferdopfer und Pherdkult der Indogermanen // Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. 1936. Bd. 4.

²⁰ Gjessing G. Hesten i førhistorisk kunst og kultur // Viking. 1943. B. 7. S. 5–144.

числом 72» [Адам Бременский 2012, XXVII]. Подобное действо рассматривалось как главное средство поддержать благополучие племени. Вождь или конунг играл в ритуале центральную роль. Показательна история Хакона Воспитанника Адальстейна (920–961), принявшего христианство в Англии и потому отказавшегося, став конунгом Норвегии, приносить жертвоприношения; это вызвало негодование бондов и знати, и он был принужден придерживаться древней традиции (Снорри Стурлусон 1980, с. 75–77). Поэтому включение ритуального жертвоприношения в число первоочередных событий, требовавших письменной меморизации, представляется вполне естественным.

Четвертая строка надписи сохранилась не полностью. Без сомнений читается лишь первое слово – *Hariwol^afR* (др.-исл. *HerjólfR*), мужское имя. Э. Антонсен предполагал, что в последующей группе рун можно выделить слово *magfiiu*, dat. sg. от *magōz* (др.-исл. *mogr*) «юноша, сын» и что Харивульва и Хадувульва связывало родство [Antonsen 1975, pp. 86–87]; как следует из надписи из Истабю, Харивульв был сыном Хадувульва. В этой надписи – впервые – приводятся имена трех поколений вождей: камень установлен в память о Харивульве, сыне Хадувульва, отцом которого был Хьёрвульв. Как это типично для древнегерманского (и древнескандинавского) именослова, все три имени аллитерируют (начинаются на звук /h/) и содержат общую основу **wulfaz* «волк».

Вторая часть надписи из Стентофтена содержит заклинание (запретительную, или охранительную формулу), которое должно предохранить памятник от возможных повреждений²¹. Это древнейшая сохранившаяся охранительная надпись на камнях, которая защищает сам памятник.

Другая аналогичная по целям и почти тождественная по тексту надпись выполнена на одной из трех стел, образующих треугольник и установленных в нескольких километрах от Гуммарпского и Стентофтенского камней – в Бьёркеторпе. Две другие стелы представляют собой *bautasteinar* и не несут надписей [Snædal 1997, pp. 149–163]. Содержательными отличиями от Стентофтенского заклинания являются добавления слова **utiAz** «вдали» и строки **uþArAbA sba** «губительное предсказание» на стороне, противоположной центру треугольника, как бы предостерегающее от прочтения основной надписи.

²¹ *Jacobsen L.* Forbandelseformularer i nordiske runindskrifter // Kgl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. 1935. Del 39. H. 4. 46 s.

Надпись на стеле из Истабю – мемориальный текст в память о погибшем родиче (сыне?). Принципиально важными его особенностями является вынесение на первое место имени человека, в честь которого воздвигнут памятник, и включение генеалогической информации о заказчике стелы.

Комплекс блекингских памятников, таким образом, представляет новый этап и в письменной фиксации исторической информации, и в отношении к ней общества. В первых двух надписях меморизации подвергается общественно значимое событие – обеспечение Хадувульвом благоденствия возглавляемого им социума. Не исключено, что и смерть Харивульва могла расцениваться как особо важное событие в жизни племени (см. выше о надписи на камне из Möjbro). Однако смерть Харивульва в надписи из Истабю, как и в текстах предшествующего времени, не описывается, а лишь констатируется. Указание в надписи из Стентофтена на количество принесенных в жертву животных лишь подчеркивает масштаб события, его соответствие ритуалу. Подразумевается, что те, кто могут прочитать надпись, знают, о чем идет речь. Задача текста – актуализация исторической памяти.

В надписях из Гуммарпа и Истабю имя «героя» – Хадувульва, который «установил» три руны **f**, и Харивульва, в память о котором воздвигнут памятник, – выносятся на первое место. Имя Хадвульва уступает первое место лишь перечню жертвенных животных в надписи из Стентофтена. Начальное положение личного имени становится традиционным, что отвечает целям установки памятника.

Все мемориальные тексты переходного периода запечатлевают события. Но, как и в более раннее время, они содержат, за редкими исключениями, не повествование о нем, т. е. фрагмент исторической традиции, а «ключ» к нему, позволяющий актуализировать историческую память. Таким «ключом» являются личные имена. Одновременно текст поминальной надписи структурируется: здесь впервые появляются три основных элемента поминальной формулы на стелах X–XII вв. – имя заказчика, факт установки памятника (написания рун), имя человека, в честь которого воздвигнут памятник. Именно последнее, как наиболее важное (возможно, по традиции, восходящей к «подписям рунографов»), выносится в начало надписи.

Расширение содержания меморизируемой в памятниках Хадувульва информации происходит не только благодаря включению событийной истории. В тексте из Истабю появляются генеалогические сведения и устанавливаются родственные связи Хадувульва. Однако генеалогические сведения еще несистематичны, и неясно (из-за повреждения надписи), отмечалось ли родство Хадувульва и Харивульва на камне из Стентофтена.

Наконец, введение охранительного заклинания свидетельствует, как кажется, о значительном повышении статуса письменного текста. Записанный фрагмент исторической памяти впервые воспринимается представляющим столь высокую общественную ценность, что возникает потребность в его охране.

* * *

Наиболее яркое проявление отмеченных особенностей письменной фиксации и репрезентации исторической памяти, но также и не имеющий аналогий в рунической письменности по своему содержанию – текст на памятнике из Рёка (Ög 136, Эстерьётланд, Швеция). Нанесенная на камень надпись – самая длинная из известных (ок. 750 рун). Она выполнена сочетанием младших коротковетвистых (особого, так называемого рёкского типа), старших, а также «тайных» ветвистых рун [Gustavson 2003]²².

Рис. 2. Памятник из Рёка

Памятник установлен в честь некоего Вэмода его отцом Варином, который включил в пространную эпитафию упоминания нескольких эпических сюжетов, вводимых формулой *Pat sagum* «Я говорю то...» [Мельникова 2008, с. 158–170].

²² Литература о Рёкском камне чрезвычайно велика. См. последние обзоры: [Düwel 2001, pp. 114–118], [Gustavson 2003, pp. 62–72]. Библиографию см.: [Grønvik 2003]. В последние годы была предложена новая, эсхатологическая, интерпретация надписи [Holmberg 2020].

Транслитерация ²³	Древнеисландский текст	Перевод
I [1] aft uamuþ stānta runaR þaR . [2] in uarin faþi faþiR aft faikiān sunu	<i>Aft Væmoð standa runaR þaR. En Varinn faði, faðiR, aft faigian sunu.</i>	По Вэмоду стоят эти руны, а Варин написал [их], отец, по умершему сыну.
II [3] sakum þukmini þat huariaR ualraubaR uaRin tuaR [4] þaR suaþ tualf sinum uaRin þumnaR [a]t ualraubu [5] þaþaR saman a umisum manum .	<i>Sagum mogminni(?) þat, hværiaR valraubaR vaRin tvaR þaR, svað tvalf sinnum vaRin numnar at valraubu, baðaR saman a ymissum mannum.</i>	Я говорю то древнее предание, которое было двумя военными добычами, 12 раз взято как военная добыча, оба вместе от мужа к мужу.
III þat sakum āna[6]rt huaR fur niu altum ān urþi fiaru [7] miR hraiþkutum auk tu [8] miR ān ub sakar	<i>Þat sagum annart, hvaR fur niu aldam an urði fiaru(?) meðr Hraiðgutum, auk do meðr hann umb sakaR.</i>	То [древнее предание] я говорю вторым, [о том,] кто девять веков (поколений) назад потерял жизнь у хрейдготов; и он умер у них по своей вине.
IV [9] raiþþiaurikR hin þurmuþi stiliR [10] flutna strāntu hraiþmaraR sitiR nu karuR a [11] kuta sunum skialti ub fatlaþR skati marika	<i>Reð ÞioðrikR hinn þurmoði, stilliR flutna, strandu HraiðmaraR. SitiR nu garuR a guta sinum, skialdi umb fatlaðR, skati Mæringa.</i>	Правил Теодрик, Отважный духом, Вождь морских воинов, Берегом Хрейд-моря. Теперь сидит он, вооруженный, На своем готском коне, Со щитом полосатым, Лучший из Мэрингов.
V [12] þat sakum tualfta huar histR si ku[13]naR	<i>Þat sagum tvalfta, hvar hæstR se GunnaR etu</i>	То [древнее предание] я говорю двенадцатым,

²³ В приводимом ниже тексте в левой колонке дается транслитерация надписи; во второй – нормализованный (древнеисландский) текст (по кн.: Jansson S.B.F. The runes of Sweden. Stockholm: Norstedt, 1987. P. 31–37); в правой колонке – мой перевод на русский язык. Деление текста на слова основывается на чтении С.Б.Ф. Янссона. Арабскими цифрами в квадратных скобках обозначены номера строк в последовательности, предложенной Х. Густавсоном [Gustavson 2003, pp. 63–64]. В случае, если слово заканчивается на следующей строке, номер строки не отделен пробелами. Римскими цифрами обозначены мною законченные содержательные отрезки текста (эпизоды, или «предания» Варина).

itu¹uituaki ân kunukaR
tuaiR tikiR sua[14]þ a
likia .

*vettvangi an, kunungaR
tvaiR tigiR svað a liggia.*

где конь [валькирии]
Гунн (= волк) видит
пищу на поле битвы, где
лежат 20 конунгов;

VI þat sakum þritaunta
huariR t[15]uaiR tikiR
kunukaR satin [a]t
siulunti fia[16]kura
uintur at fiakurum
nabnum burn[17]iR
fiakurum bruprum
ualkaR fim
rāþulfs þu[18]niR
hraiþulfaR fim
rukulfs þuniR haislaR
fim harup[19]s suniR
kunmuntar fim
bi[a]rnaR suniR

*Þat sagum þrettaunda,
hvaiR tvaiR tigiR
kunungaR satin at Siolundi
fiagura vintur at fiagurum
nabnum, burniR
fiagurum brøðrum.
ValkaR fim, Raðulfs syniR,
HraiðulfaR fim, Rugulfs
syniR, HaislaR fim,
Haruðs syniR,
GunnmundaR fim,
BiarnaR syniR...*

То [древнее предание] я
говорю тринадцатым,
как 20 конунгов сидели
на Зеланде четыре зимы
с четырьмя именами,
рожденные четверем
братьям: пять [по имени]
Вальк, сыновья Радульва,
пять [по имени] Рейдульв,
сыновья Ругульва, пять
[по имени] Хейсл,
сыновья Хёрда, пять
[по имени] Гунмунд,
сыновья Бьёрна.

VII [20] nuk m...m alu
kiainhuaR þ ...

*Nu'k minni meðr allu sagi.
AinhvaRR...*

Теперь я говорю древнее
предание полностью (*далее
надпись повреждена,
и текст не читается*).

Старшие руны:

VIII [21] sagwm²mogmini
[þ]ad hoar igoldi[22]ga
oaRi goldin [a]d goānaR
hosli

*Sagum mogminni þat, hvaR
Inguldinga vaRi guldinn at
kvanaR husli.*

Я говорю древнее
предание о том,
как потомки Ингвальда
были отомщены
жертвоприношением[,
сделанным] женой.

Младшие руны:

IX [23] Тайнопись
(методом подстановки
следующей за требуемой
руны): sakum³mukmini
uaim si burinn⁴niþ [24]R

*Sagum mogminni, hvaim
se burinn niðR drængi.
Vilinn es þat. Knua knatti
iatun. Vilinn es þat...*

Я говорю древнее
предание, от кого
рожден юный воин.
Вилин это. Он мог
сокрушить великана.
Вилин это...

Младшие руны: traki
uulin is þat . knua knat
[25] iatun uulin is þat
Тайнопись: nit...

*Sagum mogminni: Þorr.
Sibbi viavari ol nirøðR.*

Я говорю древнее
предание: Тор. Сибби,
страж святылища,
девяноста лет, обрел [сына].

В соответствии с уже складывающейся традицией, мемориальный камень из Рёка установлен неким человеком в память об умершем сыне, имя которого вынесено на первое место: «По Вэмоду стоят эти руны» (*Aft Væmoð standa runaR þar*). Однако вместо повествования или упоминания о деяниях Вэмода его отец называет с разной степенью детализированности несколько (по меньшей мере шесть) сюжетов героико-эпического характера. Их связь со смертью Вэмода остается для современного читателя неясной, но, видимо, она вполне осознавалась его современниками.

Очевидно, что Варин обращается к прошлому, причем далекому прошлому: в сюжете III он говорит о «девяяти веках (поколениях)» (*niu aldar*)²⁴, которые прошли со времен событий, упомянутых в этом сюжете, и называет следующий сюжет двенадцатым, как бы пропуская девять веков (поколений) и девять соответствующих им сюжетов. Точкой отсчета служит эпоха Теодориха Великого, т. е. девять поколений, в представлениях Варина (и всего скандинавского общества начала IX в.), охватывают около трех столетий: от начала VI в. (время правления Теодориха) по начало IX в. (время установки Рёкского камня) – 30 лет на одно поколение или «век». Рёкская надпись, таким образом, свидетельствует о том, что к началу IX в. в Скандинавии (вероятно, уже раньше – в древнегерманском мире) сложилась система летосчисления по поколениям – наиболее ранняя и естественная форма хронологизации исторической памяти – генеалогическая.

Сюжеты, по большей части лишь упоминаемые Варинем, называются им словом *minni* (1 раз) и *mogminni* (4 раза). Слово *minni* означает «память, воспоминание; то, что запомнено» (ONP, *Minni*; в переводе «предание») ²⁵. Варин, соответственно, излагает предания, которые не только являются по сути, но и воспринимаются им самим и его читателями как «память». Возможно, что истории этой «памяти» посвящен эпизод II, который обычно интерпретируется

²⁴ Одно из основных значений слова *öld* – «время, век» (ONP: *öld*): так, Снорри Стурлусон выделяет в соответствии с господствующей погребальной практикой «век сожжения» (*brunaöld*) и «век курганов» (*haugsöld*) как две эпохи в истории скандинавских народов. Также означает «поколение».

²⁵ Омонимом слова *minni* «память» является сравнительная степень прилагательного *litill* «маленький». Поэтому выражение *sakum^mukmini* интерпретируется некоторыми исследователями как «я говорю молодым (юным)» (например, [Gustavson 2003, p. 24]; ранее он переводил *minni* как «память»: [Gustavson 1991, p. 67]. Как мне представляется, это чтение содержит в себе тавтологию (*ungr* «молодой» и *minni* «меньший») и не согласуется с содержанием надписи.

как упоминание некоего ценного предмета (предметов) вооружения, меча, щита или шлема, который 12 раз переходил из рук в руки [Gustavson 2003, p. 24]. Обращает на себя внимание, однако, дважды повторенное словосочетание *val-raubr*, прямое значение которого, действительно, – «военная добыча». Однако в Рёкской надписи широко используется поэтическая лексика с характерными для нее метафорами и кеннингами (например, «конь Гунн» = волк). Поэтому допустимо, как кажется, предположить, что *val-raubr* употреблено здесь не в прямом смысле, а является метафорическим обозначением «древнего предания» («памяти») о неких войнах или сражениях, которое передавалось как военная добыча «от мужа к мужу». Тогда смысл этой фразы может заключаться в том, что о 12 сражениях или походах (готов?), видимо, связанных друг с другом, было сложено два сказания, которые составляли единую традицию, изустно передаваемую на протяжении девяти поколений. Собственно, далее Варин и приводит два сюжета (III и IV), связанные с историей готов, причем их наименование в обоих случаях *hreidgotar* – «славные готы», безусловно, указывает на обращение Варина к героико-эпической традиции [Мельникова 1990, с. 264–277].

Эпизод IV, состоящий из двух четверостиший, написанных эдическим размером (*fornyrðislag*), – посвящен Теодориху Великому (ум. 526 г.)²⁶. В нем не столько рассказывается о его деяниях (отмечается лишь, что он был правителем остготов), сколько описывается его конная статуя из бронзы, вывезенная в 801 г. Карлом Великим из Равенны в Аахен (именно она, видимо, послужила образцом для конной статуи Карла IX в., ныне хранящейся в Лувре) и пропавшая, вероятно, после разграбления Аахена викингами в 881 г. Эта строфа ставит множество вопросов перед исследователями германского эпоса, но меня здесь интересуют лишь два.

Первый: Варин избирает не сюжет, повествующий о деяниях Теодориха (таких сюжетов было много, и они отразились и в англо-саксонских поэмах «Беовульф» и «Видсид», и в нижненемецких поэмах о Вольфдитрихе и Дитрихе Бернском, и в поздних переработках сказания о нифлунгах), а общую характеристику прославленного правителя и описание его статуи. Почему? Можно предположить, что выбор в данном случае обусловливался существованием недавно возникшей под впечатлением знакомства со

²⁶ Malone K. The Theoderic of the Rök inscription // Studies in heroic legend and in current speech / Ed. N.E. Stefán. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1959. P. 201–214; Höffler O. Der Rökstein und Theoderik // Arkiv for nordisk filologi. 1975. B. 90. S. 92–110.

статуйей Теодориха песни об этом правителе. Эти два четверостишия, возможно, открывавшие – назову ее условно – «*Песнь о Теодрике», которая могла включать рассказы о его деяниях, в том числе о его военных подвигах, являлись идеальным «ключом» для актуализации исторической памяти. Они содержали минимальную, но базовую информацию: имя героя, его эпическую характеристику («отважный духом»), определение его статуса («правил... берегом Хрейд-моря», «вождь морских воинов»), визуальный образ (ср. изображение на камне из Мейбру). Более того, эта информация была облечена в стихотворную, т. е. легче всего поддающуюся меморизации форму.

Второй вопрос: поскольку описание статуи Теодориха, как можно с достаточной уверенностью полагать, возникло незадолго до его фиксации на Рёкском камне (после 801 г.) и являлось непосредственным откликом на увиденное, отражала ли песнь историческую память более раннего, нежели знакомство со статуей, времени? Ответ на этот вопрос, как кажется, содержится в самом тексте. Во-первых, это характеристика готов как «морских воинов», обитающих на берегу моря, которая очевидным образом противоречит реальности, поскольку готы после переселения в Северное Причерноморье с морем связаны не были. Можно предположить, что представление о готах как «морском народе» возникло в условиях Скандинавии предвикингской и викингской эпох, когда военные победы вождя не мыслились вне моря. Поэтому известная по древним преданиям «слава» готов была переосмыслена и сопряжена с их деяниями на море. Во-вторых, это именование Теодориха «лучшим (первым, самым выдающимся) из [рода] Мэрингов». Предполагается, что обозначение Теодориха *Mæring* восходит к представленной в именах предков Теодориха основе *mær/mer* «знаменитый, прославленный»: Теодемер (отец Теодориха), Валамер и Видумер (братья Теодомера), от которой было образовано именование рода (с суффиксом *-ing*). Это обозначение возникло не в начале IX в. и не в Скандинавии: оно встречается уже в англосаксонской поэме «Деор» (VIII в.?), где Равенна названа «мощью (бургом) Мэрингов» [Deor 1933, 19]. Очевидно, что оно отражает значительно более раннюю, общегерманскую традицию.

Предыдущий сюжет (№ III) о человеке, погибшем «по своей вине» среди «хрейдготов», предположительно также может отражать одно из преданий о великом короле остготов. «Сага о Тидреке Бернском» (XIII в.) завершается легендой о его гибели во время охоты в месте, названном Купальней Теодориха (*Þiðreksbað*) (см. подробнее: [Мельникова 2001б, с. 382]). Какова бы ни была позднейшая интерпретация легенды, окрашенной в саге в церковно-

нравоучительные тона, возникла она, вероятно, вместе со всем остальным циклом сказаний об остготском короле и, как полагают, связана с мотивом «дикой охоты»; как и другие сказания, она распространилась во всем германском мире и могла быть известна составителю надписи на Рёкском камне. «Ключами» для актуализации сказания могли служить упоминания «славных готов» (дважды), указание на обстоятельства смерти героя («по своей вине») и имя Теодориха.

Сюжет V Варин называет двенадцатым, что обычно расценивается как переход к другому временному пласту – через девять поколений после Теодориха, т. е. ко времени самого Варина. Анализ дальнейшего текста, значительная часть которого написана «тайными» рунами, чтение и интерпретация которых сомнительны, а сами сюжеты не имеют параллелей в позднейшей повествовательной литературе, не представляется целесообразным в рамках данной статьи. Предполагается, что упоминаемые здесь сюжеты связаны с историей рода самого Варина и Вэмода, однако убедительных аргументов этому приведено не было²⁷. Отмечу лишь, что за каждым из названных Варином сюжетов стоит некое предание, которое не пересказывается, но обозначается с помощью наиболее характерных для него примет: личных имен (см. особенно предание, поименованное Варином тринадцатым) и событий. Наконец, упоминание бога Тора и некоего «стража святилища» Сибби в последней строке может быть связано с охранительными функциями Тора, которые Варин хочет распространить на изготовленный им памятник²⁸.

Композиция и содержание Рёкской надписи – перечень сюжетов героико-эпического характера имеет прямые параллели в другой германской традиции – англо-саксонской, где в двух поэмах VII–VIII вв., «Видсид» («Многостранствующий») и «Деор», представлены сходные перечисления [Widsith 1936; Deor 1933]. Особенно близка Рёкской надписи героическая элегия «Деор», в которой потерявший своего господина и товарищей-дружинников дружинный певец Деор оплакивает свою печальную участь и перечисляет несчастья эпических героев, сопровождая каждый пример

²⁷ Так, топоним **siulunti** (сюжет VI) предлагается отождествлять не с Sjælland – о. Зеландия, а Sjölundén – названием местечка в 30 км от Рёка; имя Ингвальда в сюжете VIII сопоставляется с тем же именем в названии хутора Ingvaldstorp, находящегося неподалеку от Рёкского камня.

²⁸ Ср. посвятельную (с целью охраны памятника?) инвокацию, адресатом которой является Тор, в ряде младшерунических надписей «Да освятят Тор (эти) руны» [Marold 1974, pp. 195–222].

рефреном «То миновало, минует и это», как бы утешая себя воспоминаниями:

Велунд изведаль, Вождь могучий, В змеекузнице Тоску изгнания (Древнеанглийская поэзия, 1–2)	Мы же немало о Мэдхильд слышали, как стала ей пропастью страсть Геата (Древнеанглийская поэзия, 14–15)	Правил Теодрик Тридцать зим Мощью мэрингов, Муж всеземнозатный (Древнеанглийская поэзия, 18–19)
--	---	--

Сходство обеих поэм разительно: они композиционно построены как перечисления эпических сюжетов (в «Деоре» сюжеты представлены как параллели к несчастьям героя); авторы обращаются как к общегерманским (о Теодорихе в обеих поэмах, Германарихе и Вёлунде в «Деоре»), так и «местным» (скандинавским – о 20-ти зеландских конунгах, о потомках Ингвальда и англо-саксонским – о Мэдхильд) сюжетам; они не пересказывают их, а только отсылают к ним и даже используют одно и то же предание – о Теодорихе, прибегая к одинаковым «ключам» актуализации фоновых знаний: имя героя, его статус правителя, его принадлежность к роду Мэрингов.

* * *

Конец переходного периода отмечен развитием тенденции, проявившейся, хотя еще и слабо, уже на камне из Стентофтена, – включать в мемориальный текст дополнительную информацию о событии. Она отразилась в надписи на богато и изысканно орнаментированном памятнике из Sparlösa, воздвигнутом в честь некоего Эйвисла (ок. 800 г.)²⁹. К сожалению, памятник был поврежден при строительстве церкви в Спарлесе в XIII в., а также при более позднем пожаре, и потому текст читается с большими пробелами, а порядок строк A–D условен³⁰:

²⁹ *Friesen O., von. Sparlösastenen: runstenen vid Salems kyrka Sparlösa socken Västergötland. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1940. 133 S.*

³⁰ Надписи расположены на трех сторонах камня. Как показало исследование Л. Китцлер Офельд, они выполнены тремя различными мастерами: два из них совместно работали над надписями и изображениями; надпись, находящаяся на боковой стороне (E), выполнена третьим рунографом значительно позднее остальных, вероятно, в XI в.: в ней использован 16-значный алфавит, тогда как в двух предыдущих – старшерунические и рунические знаки переходного периода [Kitzler Åhfeldt 2000, pp. 99–121].

A: aiuls kaf : airikis sunr kaf alrik- -

B: ---t---la kaf rau- at kialt(i) · ...a sa- fapir ubsal fapir suaþ a-a-u--ba
...-amas naþu auk takar : aslriku lu--r ukþ-t a(i)u(i)sl

C: ...s---n(u)(r)-a-- þat sikmar aiti makur airikis makin(i)aru þuna ·
aft aiuis uk rap runar þar raki-ukutu iu þar suaþ aliriku lu(b)u fapi

D: ui(u)-am ---ukrþsar(s)k(s)nuibin- ---kunr(u)k(l)ius-- ...iu

E: : kisli : karþi : iftir : kunar : bruþur [:] kubl : þisi

A: «Эйвисл (?), сын Эйрика дал, Альрик дал...

B: ...дал... в качестве платы (виры?). Затем отец сел (?) [в] Упсале (?),
отец... ночи и дни. Альрик... Эйвисл.

C: ...что сын Эйрика назван Сигмар. Великая битва (?)... в память
об Эйвисле. И пойми руны божественного происхождения там... которые
Альрик раскрасил

D - - - -

E: Гисли сделал этот памятник по Гуннару [своему] брату» (Sparlösa,
Вестерётланд, Швеция; Vg 119).

Рис. 3. Памятник из Спарлёса, сторона С

Целью нанесения надписи, видимо, было прежде всего сообщение о неких событиях, связанных с деятельностью Эйрика и Альрика (оба имени встречаются в именослове упсальских Инглингов), а не увековечение памяти об Эйвисле, о чем упоминается лишь в середине текста С. В том же тексте говорится о «великой

битве», в которой, видимо, пал Эйвисл. Возможно, что тексты А и В констатируют оплату (*gjaldr*) виры за павших в этой битве. Поскольку памятник был сделан в Вестеръётланде, области племени ётов (гаутов), а в тексте упоминается Уппсала, главный центр Свеаланда, где «сел» (*sa[t]*) Эйрик (?), то, возможно, речь идет об одном из столкновений ётов и свеев: противостояние этих двух племенных объединений продолжалось как минимум до XI в., и оно ярко запечатлелось в героическом эпосе англо-саксов [Беовульф 1975, стр. 2922–3007, с. 167–171]. Невзирая на гипотетичность чтения и, соответственно, интерпретации надписей, очевидно, что основная часть текста фиксирует память о событии, и, возможно, этим событием, требующим меморизации, в первую очередь является урегулирование отношений между ётами и свеями после «великой битвы», в которой пал Эйвисл. В таком случае, письменной фиксации подвергаются условия примирения – выплата компенсации свеями (?), после чего Эйрик уходит в Уппсалу. Возможный «юридический» характер древнейшей надписи (мирный договор) на памятнике из Спарлёсы перекликается с записью условий содержания святилища (*vé*) на кольце из Forsa (Хельсингланд, Швеция), IX в. [SRD HS 7; Brink 1996, pp. 27–55] – древнейшем, как считается, правовом тексте в Скандинавии.

Важным дополнением в тексте из Спарлёсы является впервые встречающаяся формула *rað (þu) runar* («прочти / пойми руны»), которая будет затем нередко использоваться на памятниках эпохи викингов [Mjöll Snæsdóttir 1989].

* * *

IX–X вв. были временем коренных преобразований в скандинавских обществах, обусловленных прежде всего процессами формирования раннегосударственных политий и одним из проявлений этих процессов – походами викингов. Начавшиеся в конце VIII в. и нараставшие в количестве и масштабах набеги скандинавов на западе и востоке Европы способствовали распространению мемориальных камней, в которых увековечивались участники походов, погибшие во время набегов, но также и другие члены знатных, богатых родов³¹. Они во многом отличаются от ранних памятников, прежде всего большей степенью «текстуальной стандартизации» [Mees 2016, p. 23]. В IX–X вв. это чаще всего неорнаментированные

³¹ Ср., например, комплекс из ок. 20 мемориальных стел XI в., увековечивающих память о представителях четырех поколений из рода Ярлабанки, правителя сотенного округа Тэбу (ныне в черте Стокгольма) [Gustavson, Selinge 1988, pp. 19–85].

стелы, в XI в. в Швеции – орнаментированные памятники, в которых не только сообщается о воздвижении памятника в честь имени, но и – пусть кратко – приводятся дополнительные сведения. Одним из древнейших памятников этого типа является камень из Kälvesten (Эстерётланд, Швеция, IX в.), установленный в честь некоего Эйвинда, погибшего в походе на восток (в Восточную Прибалтику или на Ладогу?).

A: stikur (ʔ) karpi kubl þ(aʊ)aft auint sunu sin ' sa fial austr

B: mir aiuisli ' uikikr fapi auk krimulfr

Стиг сделал этот памятник по Эйвину, своему сыну. Он пал на востоке с Эйвислом. Викинг вырезал и Гримульф [Ög 8; Мельникова 2001a, № Б-III.9.4, с. 346–347].

Сообщаемые сведения о погибшем могут касаться статуса или рода деятельности умершего, как на датском камне из Glavendrup (о. Фюн, Дания) начала X в.:

A: raknhilr ' sati ' stain þonsi ' auft ¶ ala ' saulua kuþa uia l(i)þs (или: uial(i)þs) haipuiarþan þiakn

B: ala ' sunir ' karpu ¶ kubl ' þausi ' aft ' faþur ¶ sin ' auk ' hors ' kuna ' auft ¶ uar ' sin ' in ' suti ' raist ' run¶ar ' þasi ' aft ' trutin ' sin ¶ þur ' uiki ' þasi ' runa

C: at ' rita ' sa ' uarþi ' is ' stain þansi ¶ ailti ' iþa aft ' onon ' traki

Рагнхильд установила этот камень по Алли Бледному, годи святилища, высокочтимому вождю дружины (*hefþærþan þægn*) (вар.: годи [округа] Сёльве, высокочтимому вождю дружины святилища). Сыновья Алли сделали этот памятник по своему отцу и его жена в память о своем муже. А Соти вырезал эти руны в память о своем господине. Тор да освятит эти руны. Колдуном пусть станет тот, кто повредит этот камень или перетащит его [стоять] в память о другом [человеке] [DR 209; Nielsen 1998, p. 198].

Алли, в память о котором был установлен памятник из Главендрупа, был жрецом (*godi*) языческого святилища, обладавшим, возможно, верховной властью в своем округе³². Одновременно в надписи продолжается более ранняя традиция заклинания-проклятия

³² Содержание термина *godi* в Дании X в. неясно. Не вызывает сомнений наделение годи жреческими функциями. Что же касается осуществления ими светской власти, то за недостатком письменных источников это можно только предполагать по аналогии с функциями годи в Исландии более позднего времени.

тому, кто повредит камень, и добавляется инвокация, обращенная к Тору (см. выше примеч. 28).

Количество мемориальных камней с руническими надписями с X в. лавинообразно нарастает, особенно в Швеции, где их количество превышает две с половиной тысячи. Возникает и становится абсолютно доминирующей новая мемориальная формула, которая представлена уже на одновременном Рёкскому памятнике из Челвестена и на камне из Главендрупа. В число обязательных элементов такой надписи входят указания, наряду с именем поминаемого, имен заказчиков памятника и их отношения к умершему:

runa ' lit kiara ' mirki at ' sbialbuþa ' uk ' at ' suain ' uk ' at ' antuit ' uk at ' raknar ' suni ' sin ' uk ' ekla ' uk ' siri(þ) ' at ' sbialbuþa ' bonta sin an uak ' tauþr ' i hulmkaþi ' i olafs ' krika ' ubir ' risti ' ru¹

Руна велела сделать [этот] памятник по Спьяльбуду и по Свейну, и по Андветту, и по Рагнару, сыновьям своим и Хельги; и Сигрид по Спьяльбуду, своему супругу. Он умер в Хольмгарде в церкви [святого] Олава. Эпир вырезал руны [Sjusta, U 687; Мельникова 2001a, № Б-III.7.29, с. 338–339].

Рис. 4. Памятник из Шюсты

Нередко, как в данном случае, заказчиков несколько, и каждый из них указывает степень своего родства с поминаемым.

На многих памятниках, как и в надписи из Шюсты, оговариваются обстоятельства смерти поминаемого или дается его характеристика, от краткой («он был отважным воином») до пространной:

«...по Домару, милостивому на слова и щедрому на пищу, это о нем в добрую память. Он пал в Гардах» [Hagstugan, Sö 130; Мельникова 2001а, № Б-III.5.26, с. 315–316]. Нередко сообщение о гибели родича сопровождается его характеристикой, причем «дополнительные сведения» могли быть версифицированы [Naumann 1998, pp. 694–714]. Таков, например, памятник из Tüninge (Сёдерманланд, Швеция), первая половина XI в.:

A: · ketil : auk + biorn + þair + raistu + stain + þin[a] + at + þourstain :
 faþur + sin + anunþr + at + brupur + sin + auk : hu[skar]lar + hifir +
 iafna + ketilau at + buanta sin · brupr uaru þar bistra mana : a : lanti auk :
 i lipi : uti : h(i)(l)(t)u sini huska(r)la : ui- +

B: B han + fial + i + urustu + austr + i + garþum + lis + furugi +
 lanmana + bestr

Кетиль и Бьёрн, они установили этот камень по Торстейну, своему отцу, [и] Энунд по своему брату, а дружинники по Явни³³, [и] Китилей по своему супругу.

Братья там были	Дружинников хорошо.
Из лучших людей	Он пал в битве
На земле и	На востоке в Гардах
Вдали в войске.	Вождь войска
Содержали своих	Лучший из землевладельцев.

[Sö 338; Мельникова 2001а, № Б-III.5.23, с. 312–314]

Наиболее яркой особенностью мемориальных стел эпохи викингов, отличающей их от памятников более раннего времени, является радикальное изменение формулы. На первое место теперь ставится не имя человека, память о котором запечатлевалась в письменном тексте, а имена его родственников, заказавших или сделавших памятник, а также указание родственных (или иных) связей с умершим. Вероятное объяснение этого явления предложила Б. Сойер, которая указала, что в условиях нарастающей стратификации общества возникла насущная потребность в обосновании наследственных прав: надписи на памятниках удостоверяли родственные связи и, соответственно, права ближайших родственников на наследство умершего [Sawyer 2000]. Использование рунических надписей в юридических целях началось уже в IX в. (ср. дверное кольцо из Forsa), и «правовая» функция мемориальных стел вполне вероятна. Она действительно убедительно объясняет и

³³ Не исключено, что слово *jafni* здесь является не личным именем, а апеллятивом, означающим «равный», т. е. дружинники установили памятник по равному себе, т. е. своему сотоварищу по дружине.

перенос имен заказчиков на первое место, и обязательное указание на степень родства. Показательны и места установки памятников: поблизости от хутора заказчиков и умершего (у «родового гнезда»), у дорог и мостов и на местах тингов, т. е. там, где приводимые в надписи сведения могло прочесть большее число людей. Однако «правовой» функцией значение памятников отнюдь не ограничивалось. Расширение «информативного» дополнения к основной формуле свидетельствует о сохранении меморативной и репрезентативной функций: прославление умершего (и, соответственно, его рода) и сохранение о нем памяти («славы») в социуме.

Вместе с тем в надписях эпохи викингов продолжают сохраняться некоторые традиционные элементы. Прежде всего это подписи рунографов, которые присутствуют на значительном количестве камней, но выносятся теперь в самый конец надписи (см., например, выше надпись из Шюсты: «Эпир высек руны»³⁴). Всего известно ок. 60 мастеров-рунорезов, работы которых отличались особенностями орфографии, выбора лексики, орнаментики [Axelsson 1993]. Продолжают использоваться заклинания от повреждения памятника (но уже значительно реже) и invocации, которые в XI в., после принятия христианства, обращены к Богу и Богородице [Williams 1996, pp. 45–83].

n tan auk huskarl ' auk sua(i)n ' l(i)tu rita stin aftir ' ulfrik ' faþurfafur sino ' hon hafði o| |onklanti tuh kialtākít + kuþ hialbi þira kípka salu| |uk| |kuþs muþ(i)

И Дан и Хускарл³⁵, и Свейн велели воздвигнуть этот камень по Ульффрику, отцу их отца. Он взял в Англии два откупа³⁶. Пусть Бог и Божья мать помогут душам отца и сына (Lingsberg, U 241).

³⁴ Эпир (Øpir) – наиболее плодовитый и известный мастер, которому принадлежит ок. 50 подписанных им камней и еще ок. 50 изготовлены им предположительно. Он работал по преимуществу в Уппланде в последние десятилетия XI – начале XII в. Его произведения отличает изящество и сложность орнамента – специфическая переработка стиля Урнес [Åhlén 1997].

³⁵ Апеллятив *huskarl*, означающий «слуга», иногда «дружинник», изредка употреблялся в качестве личного имени, как в этой надписи.

³⁶ Речь идет о завоевании Англии датчанами Свейна Вилобородого и его сына Кнута Великого в 994–1016 гг., когда англичане выплачивали им огромные суммы серебра в качестве откупов (*gjald*) от разорения. Эти откупы получили в англо-саксонском обиходе название «датские деньги» (*Danegeld*). Часть этих денег шла воинам, участвовавшим в завоевании Англии. Ульффрик, очевидно, был в двух удачных походах датчан.

За каждым из мемориальных памятников стоит судьба человека, известная его родичам, товарищам по оружию, жителям округа, собиравшимся на общем тинге, и запечатленная в их памяти. Это индивидуальные события, рассказы о которых должны были сохраняться не столько в коллективной, сколько в родовой памяти.

* * *

На протяжении первого тысячелетия ее существования функции рунической письменности в обществе [Hines 1997, pp. 79–92] и отражение в ней коллективной исторической памяти претерпели существенные изменения. Лишь в V–VII вв. рунические надписи на каменных стелах начинают упоминать общественно-значимые события (смерть вождя, публичное жертвоприношение), тем самым закрепляя коллективную историческую память о них. Крайне лаконичные тексты, однако, содержат не повествование о меморизируемом событии, а «ключи», актуализирующие знания о нем: имя главного лица, особо важные обстоятельства этого события. Новая, мемориальная функция существенно меняет отношение к руническим памятникам: они начинают восприниматься как общественная ценность, которая требует охраны в виде заклинаний-проклятий тому, кто причинит вред памятнику. Одновременно вырабатывается мемориальная формула, которая открывается «ключом» к исторической памяти: именем меморизируемого (продолжение традиции «подписи рунографа») или особенно важной чертой события.

Кардинальные изменения в скандинавских обществах, начавшиеся в IX в. и связанные с процессами образования ранних государств, затронули и руническую письменность. Наиболее очевидным признаком перемен в ней является преобразование мемориальной формулы: теперь она открывается именем заказчика (именами заказчиков) памятника, за чем следует констатация факта установки памятника и только потом идет имя того, в память о ком памятник воздвигнут, а также указание на его степень родства с заказчиком. Перенос акцента на заказчиков памятника свидетельствует о важности для них сохранения (и распространения) информации об их родственной связи с погибшим. Вероятным объяснением этого явления может быть необходимость подтверждения прав заказчиков – наследников умершего на его наследство. Тем самым рунические памятники начинали выполнять правовую функцию. Наряду с этим сохраняются и меморативная, и репрезентативная функции, которым служат дополнительные сведения о деяниях умершего, обстоятельствах его смерти, его прославление, нередко в стихах. При этом памятник «отрывался» от погребения и устанавливался в местах скопления людей, способных прочитать

надпись: на тингах, у дорог и мостов. Прославление умершего и его родственные связи, однако, не являются общественно-значимыми событиями за редчайшими исключениями, как, например, поход шведского хёвдинга Ингвара, почти все участники которого погибли (до нас дошло ок. 25 камней, установленных в их память) и коллективная память о котором сохранялась несколько столетий, вылившись в написание в Исландии «Саги о Ингваре» [Глазырина 2002]. Это судьбы конкретных людей, индивидуальная память о которых поддерживалась прежде всего в их семье и роде. Меморативная функция рунических памятников XI – начала XII в., таким образом, сужается, в них фиксировалась уже не коллективная, а родовая память.

В последующее время руническое письмо, продолжавшее существовать до XVI в. (а в отдельных местах, например, в шведской области Даларна и много дальше), окончательно утрачивает мемориальную функцию, которая уступает место повседневной коммуникации между индивидами, не связанной с сохранением исторической памяти [Palm 2010, pp. 26–51].

Источники

- Адам Бременский 2012 – *Адам Бременский*. Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Пер. И.В. Дьяконова, В.В. Рыбакова. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. С. 297–449.
- Беовульф – Беовульф / пер. В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Наука, 1975. С. 27–180.
- Древнеанглийская поэзия – Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. 319 с.
- Младшая Эдда – Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.; Л.: Наука, 1970. 138 с.
- Снорри Стурлусон 1980 – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 687 с.
- Тацит 1969 – *Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. / изд. подгот. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев. Л.: Наука, 1969. Т. 1: Анналы. Малые произведения. С. 353–372.
- Antonsen 1975 – *Antonsen E.H.* A concise grammar of the older runic inscriptions. Tübingen: Niemeyer, 1975. 111 p.
- Deor 1933 – Deor / Ed. by K.L. Malone. L.: Methuen & Co, 1933. 38 p.
- DR – *Jakobsen L., Moltke E.* Danmarks runeindskrifter. København: Ejnar Munksgaards forlag, 1941. Vol. 1–2.

- Krause 1966 – *Krause W. mit Beiträge von H. Jankuhn*. Die Runeninschriften im älteren Futhark. Göttingen, 1966. Bd. 1: Text; Bd. 2: Tafeln (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Kl. 3 Folge. No. 65).
- NlæR – Norges innskrifter med de ældre runer / M. Olsen med hjelp i forarbeider av S. Bugge. Oslo: Norske historiske kildeskriftfond, 1941–1960. B. 1–5.
- ONP – Ordbok over det norrøne prosasprog. URL: <http://onp.ku.dk/>
- RuneS – RuneS: Forschungsprojekt der Niedersächsischen Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. URL: <https://www.runesdb.de/>
- SRD – Samnordisk runtextdatabas. URL: <https://kurl.ru/AMaeF> (на англ. яз.), <https://kurl.ru/GimQQ> (на швед. языке).
- Sö – Södermanlands runinskrifter / red. E. Brate, E. Wessén. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1924. H. 1–4. (Sveriges runinskrifter; 3)
- U – Upplands runinskrifter / red. E. Wessén, S.B.F. Jansson. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1949–1958. (Sveriges runinskrifter; 6–9)
- Vg – Västergötlands runinskrifter / red. E. Svärdström, H. Junger. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958. H. 1–4. (Sveriges runinskrifter; 5)
- Widsith 1936 – Widsith / Ed. K. Malone. L.: Methuen, 1936. 231 p.
- Ög – Östergötlands runinskrifter / Red. E. Brate. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1911–1918. H. 1–3. (Sveriges runinskrifter, 2)

Литература

- Буданова 2000 – *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 543 с.
- Глазырина 2002 – *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2002. 464 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)
- Мельникова 1990 – *Мельникова Е.А.* Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII–XIV вв. (к истории топонима *Reiðgotaland*) // Скандинавские языки: Структурно-функциональные аспекты / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. Вып. 2. С. 264–277.
- Мельникова 2001a – *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. М.: Восточная литература, 2001. 495 с.
- Мельникова 2001б – *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 год. М.: Восточная литература, 2001. С. 363–436.
- Мельникова 2008 – *Мельникова Е.А.* Sakum-формула в надписи на камне из Рёка // Германистика, скандинавистика, историческая поэтика: Ко дню рождения О.А. Смирницкой / Отв. ред. Е.М. Чекалина. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 158–170.
- Мельникова 2016 – *Мельникова Е.А.* Письменность без государства и государства без письменности: Германское руническое письмо во II–XV вв. н. э. //

- Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2016. Вып. 28. С. 178–185.
- Топорова 1996 – *Топорова Т.В.* Язык и стиль древнегерманских заговоров. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 219 с.
- Axelsson 1993 – *Axelsson J.* Mellansvenska runristare: Förteckning över signerade och attribuerade inskrifter. Uppsala: Institutionen för nordiska språk, Universitet, 1993. 139 S.
- Bauer 2003 – *Bauer A.* Runengedichte: Texte, Untersuchungen und Kommentare zur gesamten Überlieferung. Wien: Fassbaender, 2003. 269 S.
- Beck 2000 – *Beck H.* Runen und Schriftlichkeit // Von Thorsberg nach Schleswig / Hg. K. Düwel et al. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2000. S. 1–15.
- Brink 1996 – *Brink S.* Forsaringen. Nordens äldsta lagbud // Beretning fra femtende tværfaglige vikingesymposium / Udg. E. Roesdahl, P. Meulengracht Sørensen. Højbjerg: Hikuin, 1996. S. 27–55.
- Düwel 1981 – *Düwel K.* Runeninschriften auf Waffen // Wörter und Sachen im Lichte der Bezeichnungsforschung: Arbeiten zur Frühmittelalterforschung / Hg. R. Schmidt-Wiegand. Münster: De Gruyter, 1981. Bd. 1. S. 128–167.
- Düwel 1992 – *Düwel K.* Runen als magische Zeichen // Das Buch als magisches und als Repräsentationsobjekt / Hg. P. Ganz. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. S. 87–100.
- Düwel 1996 – *Düwel K.* Futhark // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. B.: De Gruyter, 1996. Bd. 10. H. 3/4. S. 273–276.
- Düwel 1997 – *Düwel K.* Magische Runenzeichen und magische Runeninschriften // Runor och ABC: elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995 / Red. St. Nyström. Stockholm: Norstedt, 1997. S. 23–42.
- Düwel 2001 – *Düwel K.* Runenkunde. 3 Aufl. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 2001. 275 S.
- Düwel, Gebühr 1981 – *Düwel K., Gebühr M.* Die Fibel von Meldorf und die Anfänge der Runenschrift // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1981. Bd. 110. S. 159–175.
- Ellegård 1987 – *Ellegård A.* Who were the Eruli? // Scandia. 1987. Bd. 53/1. S. 5–34.
- Elmevik 1978 – *Elmevik L.* Inskriften på Möjbrostenen. Några tankar om läsningen och tydningen // Saga och sed. Uppsala, 1978. S. 65–92.
- Elmevik 1999 – *Elmevik L.* De urnordiska runinskrifternas alu // Runor och namn / red. L. Elmevik, S. Strandberg. Uppsala: Universitet, 1999. S. 21–28.
- Flowers 1986 – *Flowers St.E.* Runes and magic. Magical formulaic elements in the older runic tradition. N.Y.; Berne; Frankfurt a/M.: P. Lang, 1986. 457 p.
- Goffart 1988 – *Goffart W.* The narrators of Barbarian history (A.D. 550–800). Princeton: Princeton University Press, 1988. 491 p.
- Gronvik 2003 – *Gronvik O.* Der Rökstein: Über die religiöse Bestimmung und das weltliche Schicksal eines Helden aus der frühen Wikingerzeit. Frankfurt a/M.: P. Lang, 2003. 117 S.
- Gustavson 1991 – *Gustavson H.* Rökstenen. Uddenvalla: Risberg, 1991. 39 S.

- Gustavson 2003 – *Gustavson H.* Rök // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 25. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2003. S. 62–72.
- Gustavson, Selinge 1988 – *Gustavson H., Selinge K.-G.* Jarlabanke och hundaret. Ett arkeologiskt/runologiskt bidrag till läsningen av ett historiskt tolkningsproblem // Namn och bygd. 1988. Bd. 76. S. 19–85.
- Hines 1997 – *Hines J.* Functions of Literacy and the Use of Runes // Runor och ABC. Elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995 / Ed. St. Nyström. Stockholm: Sällskapet Runica et mediævalia, 1997. P. 79–92.
- Holmberg 2020 – *Holmberg P., Gräslund B., Sundqvist O., Williams H.* The Rök runestone and the end of the world // Futhark. 2020. Vol. 9–10. P. 7–39.
- Hultgård 2003 – *Hultgård A.* Ár – “Gutes Jahr und Ernteglück” – ein Motivkomplex in der altnordischen Literatur und sein religionsgeschichtlicher Hintergrund // Runica – Germanica – Mediaevalia / Hg. W. Heizmann, A. van Nahl. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2003. S. 282–308.
- Imer 2011 – *Imer L.M.* Maturus fecit – Unwod made. Runic inscriptions on fibulae in the Late Roman Iron Age // Lund Archaeological Review. 2011. Vol. 17. P. 11–27.
- Kitzler Åhfeldt 2000 – *Kitzler Åhfeldt L.* The Sparlösa Monument and its Three Carvers: a Study of Division of Labour // Lund archaeological review. 2000. No. 6. S. 99–121.
- Looijenga 2003 – *Looijenga T.* Texts and contexts of the oldest runic inscriptions. Leiden: Brill, 2003. 383 p.
- Marold 1974 – *Marold E.* “Thor weihe diese Runen” // Frühmittelalterliche Studien. Sigmaringen, 1974. Bd. 8. S. 195–222.
- Marold 1994 – *Marold E.* Keramikscherbe aus Osterrönnfeld // Nytt om runer. 1994. No. 9. S. 16.
- Mees 1997 – *Mees B.* A new interpretation of the Meldorf fibula inscription // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1997. Bd. 126. S. 131–139.
- Mees 2003 – *Mees B.* Runic erilaR // NOWELE: North-Western European language evolution. 2003. Vol. 42 (March). P. 41–68.
- Mees 2016 – *Mees B.* The Hogganvik inscription and early Nordic memorialisation // Futhark. 2016. Vol. 7. P. 7–28.
- Mjöll Snæsdóttir 1989 – *Mjöll Snæsdóttir.* Ráði sá er kann: Óráðinn rúnatexti frá Stóruborg undir Eyjafjöllum // Árbók hins íslenska fornleifafélags, 1988. Reykjavík, 1989. P. 29–34.
- Morris 1988 – *Morris R.L.* Runic and Mediterranean epigraphy. Odense: Odense University Press, 1988. 177 p.
- Naumann 1998 – *Naumann H.-P.* Runeninschriften als Quelle der Versgeschichte // Runeninschriften als Quelle interdisziplinärer Forschung. Proceedings of the Fourth International Symposium on Runes and Runic Inscriptions in Göttingen / Hg. K. Düwel. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1998. S. 694–714.
- Nedoma 2003 – *Nedoma R.* Runennamen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2003. Bd. 25. S. 556–562.

- Nielsen 1998 – *Nielsen M.L.* Glavendrup // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1998. Bd. 12. S. 198.
- Odenstedt 1989 – *Odenstedt B.* Further Reflections on the Meldorf Fibula // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 1989. Bd. 118. S. 77–85.
- Odenstedt 1990 – *Odenstedt B.* On the origin and early history of the runic script. Typology and graphic variation in the older Futhark. Uppsala: Ekblad, 1990. 181 p.
- Orel 2003 – *Orel V.E.* A handbook of Germanic etymology. Leiden: Brill, 2003. 722 p.
- Palm 2010 – *Palm R.* Runorna under medeltid // *Den medeltida skriftkulturen i Sverige. Genrer och texter* / Red. I. Larsson et al. Stockholm: Sällskapet Runica et mediævalia, 2010. S. 26–51. (Runica et mediævalia, Scripta maiora; 5)
- Santesson 1989 – *Santesson L.* En blekinsk blotinskrift. Et nytolkning av inledningsraderna på Stentofstenen // *Fornvännen*. 1989. Årg. 84. S. 221–229.
- Sawyer 2000 – *Sawyer B.* The Viking-age rune-stones. Custom and commemoration in Early Medieval Scandinavia. Oxford: Oxford University Press, 2000. 269 p.
- Snædal 1997 – *Snædal Th.* Björketorpsstenens runinskrift // *Runor och ABC: elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995* / Red. St. Nyström. Stockholm: Sällskapet Runica et mediævalia, 1997. S. 149–163.
- Sundqvist 1997 – *Sundqvist O.* Runology and History of Religions. Some Critical Implications of the Debate on the Stentofsten Inscription // *Runrön*. Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 1997. Bd. 3: Blandade runstudier. P. 135–174.
- Taylor 1990 – *Taylor M.* The etymology of the Germanic tribal name *Eruli* // *General Linguistics*. 1990. Vol. 30. P. 108–125.
- Williams 1996 – *Williams H.* Vad säger runstenarna om Sveriges kristnande? // *Kristnandet i Sverige. Gamla källor och nya perspektiv* / Red. B. Nilsson. Uppsala: Lunne böcker, 1996. S. 45–83.
- Williams 1997 – *Williams H.* The Romans and the runes – uses of writing in Germania // *Runor och ABC. Elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995* / Red. S. Nyström. Stockholm: Sällsk. Runica et mediævalia, 1997. P. 177–192.
- Åhlén 1997 – *Åhlén M.* Runristaren Öpir. Uppsala: Institutionen för nordiska språk, 1997. 249 S.

References

- Axelsson, J. (1993), *Mellansvenska runristare: Förteckning över signerade och attribuerade inskrifter*. Institutionen för nordiska språk, Uppsala, Sweden.
- Bauer, A. (2003), *Runengedichte: Texte, Untersuchungen und Kommentare zur gesamten Überlieferung*. Fassbaender, Wien, Austria.
- Beck, H. (2000), “Runen und Schriftlichkeit”, in Düwel, K. et al., eds., *Von Thorsberg nach Schleswig*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, pp. 1–15.
- Brink, S. (1996), “Forsaringen. Nordens äldsta lagbud”, in Roesdahl, E. and Meulengracht Sorensen, P., eds., *Beretning fra femtende tværfaglige vikingesymposium*. Hikuin, Højbjerg, Denmark, pp. 27–55.

- Budanova, V.P. (2000), *Varvarkii mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov* [Barbarian world during the Migration period], Nauka, Moscow, Russia.
- Düwel, K. (1981), "Runeninschriften auf Waffen", in Schmidt-Wiegand, R., ed., *Wörter und Sachen im Lichte der Bezeichnungsforschung: Arbeiten zur Frühmittelalterforschung*, Walter de Gruyter, Münster, Germany, vol. 1, pp. 128–167.
- Düwel, K. (1992), "Runen als magische Zeichen", in Ganz, P., ed., *Das Buch als magisches und als Repräsentationsobjekt*, Harrassowitz, Wiesbaden, Germany, pp. 87–100.
- Düwel, K. (1996), "Futhark", in *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany, vol. 10, H. 3/4, pp. 273–276.
- Düwel, K. (1997), "Magische Runenzeichen und magische Runeninschriften", in Nyström, St., ed., *Runor och ABC: elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995*, Norstedt, Stockholm, Sweden, pp. 23–42.
- Düwel, K. (2001), *Runenkunde*. 3 Aufl. J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, Stuttgart, Germany.
- Düwel, K. and Gebühr, M. (1981), "Die Fibel von Meldorf und die Anfänge der Runenschrift", *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, vol. 110, pp. 159–175.
- Ellegård, A. (1987), "Who were the Eruli?", *Scandia*, vol. 53, no. 1, pp. 5–34.
- Elmevik, L. (1978), "Inskriften på Möjbrostenen. Några tankar om läsningen och tydnigen", *Saga och sed*, Uppsala, Sweden, pp. 65–92.
- Elmevik, L. (1999), "De urnordiska runinskrifternas alu", in Elmevik, L. And Strandberg, S., eds., *Runor och namn*, Universitet, Uppsala, Sweden, pp. 21–28.
- Flowers, St.E. (1986), *Runes and Magic. Magical Formulaic Elements in the Older Runic Tradition*, P. Lang, New York, USA, Berne, Switzerland, Frankfurt am Main, Germany.
- Glazyrina, G.V. (2002), *Saga ob Ingvare Puteshestvennike: Tekst, perevod, kommentarii* [Yngvars saga víðförlu. Text, translation, commentaries], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia. (*Drevneyshiye istochniki po istorii Vostochnoy Evropy*)
- Goffart, W. (1988), *The narrators of Barbarian history (A.D. 550–800)*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Grönvik, O. (2003), *Der Rökstein: Über die religiöse Bestimmung und das weltliche Schicksal eines Helden aus der frühen Wikingerzeit*, P. Lang, Frankfurt am Main, Germany.
- Gustavson, H. (1991), *Rökstenen*, Risberg, Uddenvalla, Sweden.
- Gustavson, H. (2003), "Rök", in *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, Walter De Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, vol. 25, pp. 62–72.
- Gustavson, H. and Selinge, K.-G. (1988), "Jarlabanke och hundaret. Ett arkeologiskt/runologiskt bidrag till läsningen av ett historiskt tolkningsproblem", *Namn och bygd*, vol. 76, pp. 19–85.
- Hines, J. (1997), "Functions of Literacy and the Use of Runes", in Nyström, St., ed., *Runor och ABC. Elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995*, Sällskapet Runica et mediaevalia, Stockholm, Sweden, pp. 79–92.

- Holmberg, P., Gräslund, B., Sundqvist, O. and Williams, H. (2020), "The Rök Runestone and the End of the World", *Futhark*, vol. 9–10, pp. 7–39.
- Hultgård, A. (2003), "Ár – 'gutes Jahr und Ernteglück' – ein Motivkomplex in der altnordischen Literatur und sein religionsgeschichtlicher Hintergrund", in Heizmann, W. and Nahl, A., eds., *Runica – Germanica – Mediaevalia*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, pp. 282–308.
- Imer, L.M. (2011), "Maturus fecit – Unwod made. Runic Inscriptions on Fibulae in the Late Roman Iron Age", *Lund Archaeological Review*, vol. 17, pp. 11–27.
- Kitzler Åhfeldt, L. (2000), "The Sparlösa Monument and its Three Carvers: a study of division of labour", *Lund archaeological review*, no. 6, pp. 99–121.
- Looijenga, T. (2003), *Texts and contexts of the oldest runic inscriptions*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Marold, E. (1974), "Thor weihe diese Runen", *Frühmittelalterliche Studien*, vol. 8, pp. 195–222.
- Marold, E. (1994), "Keramikscherbe aus Osterrönnfeld", *Nytt om runer*, no. 9, p. 16.
- Mees, B. (1997), "A new interpretation of the Meldorf fibula inscription", *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, vol. 126, pp. 131–139.
- Mees, B. (2003), "Runic erlaR", *NOWELE: North- Western European Language Evolution*, vol. 42 (March), pp. 41–68.
- Mees, B. (2016), "The Hogganvik inscription and early Nordic memorialisation", *Futhark*, vol. 7, pp. 7–28.
- Mel'nikova, E.A. (1990), "To the history of the ethnic name *Reiðgotaland*", in Yartseva, V.N., ed., *Skandinavskie yazyki. Strukturno-funktsional'nye aspekty* [Scandinavian languages. Structural and functional aspects], Institut yazykoznaniiya AN SSSR, Moscow, USSR, iss. 2, pp. 264–277.
- Mel'nikova, E.A. (2001), *Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nakhodki i interpretatsii* [Scandinavian runic inscriptions. New finds and interpretations], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Mel'nikova, E.A. (2001), "Old Norse itineraries to Rome, Constantinople and the Holy Land", in Mel'nikova, E.A., ed., *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 1999 god* [Ancient states of Eastern Europe: 1999], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 363–436.
- Mel'nikova, E.A. (2008), "**Sakum**-formula v nadpisi na kamne iz Rēka" [**sakum**-formula in the Rök-stone inscription], in Chekalina E.M., ed., *Germanistika, skandinavistika, istoricheskaya poetika. K dnyu rozhdeniya O.A. Smirnitsoi* [German and Scandinavian studies, historical poetics. For O.A. Smirnitsova's birthday], MAKSS Press, Moscow, Russia, pp. 158–170.
- Mel'nikova, E.A. (2016), "Literacy without a state and a state without literacy: German runic writing 5th to 15th centuries", in Mel'nikova, E.A., ed., *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'ye* [Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages], Institut vseobshchei istorii RAN, Moscow, Russia, vol. 28, pp. 178–185.
- Mjöll Snæsdóttir (1989), "Ráði sá er kann: Óráðinn rúnatexti frá Stóruborg undir Eyjafjöllum", in *Árbók hins íslenska fornleifafélags*, Reykjavík, Iceland, pp. 29–34.

- Morris, R.L. (1988), *Runic and Mediterranean epigraphy*, Odense University Press, Odense, Denmark.
- Naumann, H.-P. (1998), "Runeninschriften als Quelle der Versgeschichte" in Düwel, K., ed., *Runeninschriften als Quelle interdisziplinärer Forschung. Proceedings of the Fourth International Symposium on Runes and Runic Inscriptions in Göttingen*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, pp. 694–714.
- Nedoma, R. (2003), "Runennamen", in *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, vol. 25, pp. 556–562.
- Nielsen, M.L. (1998), "Glavendrup", in *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, vol. 12, p. 198.
- Odenstedt, B. (1989), "Further reflections on the Meldorf Fibula", *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, vol. 118, pp. 77–85.
- Odenstedt, B. (1990), *On the origin and early history of the runic script. Typology and graphic variation in the older Futhark*, Ekblad, Uppsala, Sweden.
- Orel, V.E. (2003), *A handbook of Germanic etymology*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Palm, R. (2010), "Runorna under medeltid", in Larsson, I. et al., eds., *Den medeltida skriftkulturen i Sverige. Genrer och texter*, Sällskapet Runica et mediaevalia, Stockholm, Sweden, pp. 26–51. (*Runica et mediaevalia, Scripta maiora*; 5)
- Santesson, L. (1989), "En blekinsk blotinskrift. Et nytolkning av inledningsraderna på Stentofstenen", *Formvannen*, årg. 84, pp. 221–229.
- Sawyer, B. (2000), *The Viking-Age Rune-Stones. Custom and Commemoration in Early Medieval Scandinavia*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Snædal, Th. (1997), "Björketorpsstenens runinskrift", in Nyström, St., ed., *Runor och ABC: elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995*, Sällskapet Runica et mediaevalia, Stockholm, Sweden, pp. 149–163.
- Sundqvist, O. (1997), "Runology and history of religions. Some critical implications of the debate on the Stentof inscription", *Runrön*, Uppsala, Sweden, vol. 3: Blandade runstudier, pp. 135–174.
- Taylor, M. (1990), "The etymology of the Germanic tribal name *Eruli*", *General Linguistics*, vol. 30, pp. 108–125.
- Toporova, T.V. (1996), *Yazyk i stil' drevnegermanskikh zagovorov* [Language and style of Old German charms], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Williams, H. (1996), "Vad säger runstenarna om Sveriges kristnande?" in Nilsson, B., ed., *Kristnandet i Sverige. Gamla källor och nya perspektiv*, Lunne böcker, Uppsala, Sweden, pp. 45–83.
- Williams, H. (1997), "The Romans and the runes – uses of writing in Germania", in Nyström, S., ed., *Runor och ABC. Elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995*, Sällskapet Runica et mediaevalia, Stockholm, Sweden, pp. 177–192.
- Åhlén, M. (1997), *Runristaren Öpir*, Institutionen för nordiska språk, Uppsala, Sweden.

Информация об авторе

Елена А. Мельникова, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; melnikova_2002@mail.ru

Information about the author

Elena A. Melnikova, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; Melnikova_2002@mail.ru